

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Научная статья / Research article

Княгиня Анна Тайшина – первая правительница ставропольских крещеных калмыков, 1737–1742

Степан Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Аннотация: Рассматривается вовлеченность калмыцкой княгини Анны Тайшиной в процесс встраивания крещеных калмыков в экономическое, политическое и административно-правовое пространство России. Основываясь на обширной документальной базе, автор отмечает, что образование обособленного калмыцкого княжества на Средней Волге стало следствием российской политики христианизации и целенаправленного поселения крещеных калмыков за пределами Калмыцкого ханства. Передача территорий с особым административным статусом в единоличное женское управление, пусть и под строгим правительственным контролем, является единственным примером в истории царской России. Отмечается, что в хрониках середины 20-х – 30-х гг. XVIII в. Анна Тайшина упоминалась исключительно в связи с активной политической деятельностью ее мужа Петра Тайшина и заинтересованностью в его услугах российских властей. Выявлено, что наделение Тайшиной властными полномочиями произошло не только в силу случайного стечения обстоятельств: неожиданная смерть ее мужа и отсутствие высокородных отпрысков среди калмыков, принявших крещение, но и стремлением российского правительства поселить крещеных калмыков на удаленной территории. Исследование показало, что за короткий период княжения Тишиной были заложены основы административно-территориального устройства калмыцкого поселения, его властной структуры и порядка управления, хозяйственного и социального развития; о высоком правовом статусе калмыцкой княгини свидетельствовала передача калмыцкого поселения в ведомство Коллегии иностранных дел. Подтверждается, что все нововведения, поддержанные правительством, осуществлялись по инициативе Анны Тайшиной либо ставропольского коменданта, но обязательно со ссылкой на ее мнение. Сделан вывод: сложившийся при жизни Анны Тайшиной порядок задал вектор развития калмыцкого поселения вплоть до его упразднения в 1842 г.

Ключевые слова: Коллегия иностранных дел, крещеные калмыки, Ставрополь-на-Волге, Оренбургская экспедиция, Оренбургская комиссия, Российская империя, управление

Для цитирования: Джунджузов С.В. Княгиня Анна Тайшина – первая правительница ставропольских крещеных калмыков, 1737–1742 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 541–555. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Princess Anna Taishina, the First Ruler of the Stavropol Baptized Kalmyks, 1737–1742

Stepan Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

✉ kaf_rushistory@ospu.su

Abstract: The involvement of Kalmyk princess Anna Taishina in the process of baptized Kalmyks fitting into the economic, political and administrative-legal space of Russia is examined. Based on extensive documentary data, the author notes that the formation of a separate Kalmyk principality on

© Джунджузов С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

the Middle Volga was the consequence of the Russian policy of Christianization and purposeful settlement of baptized Kalmyks outside the Kalmyk Khanate. The transfer of territories with a special administrative status to a sole female administration, albeit being under strict government control, is the only example in the history of Tsarist Russia. In the chronicles of the mid-1720–1730s Anna Taishina was mentioned solely in connection with the active political activities of her husband, Pyotr Taishin, and the interest of the Russian authorities in his services. A. Taishina was granted authority not due to coincidence: it was not only the unexpected death of her husband and the absence of high-born off-spring among the baptized Kalmyks, but also the desire of the Russian government to settle baptized Kalmyks in the remote territory. Within the short period of A. Taishina's reign, there were laid the foundations of the administrative-territorial structure of the Kalmyk settlement, its power structure and order of administration, economic and social development. The high legal status of the Kalmyk princess was evidenced by the transfer of the Kalmyk settlement to the Collegium of Foreign Affairs. It is confirmed that all innovations supported by the government were carried out on the initiative of Anna Taishina, or the Stavropol commandant, but always considering her opinion. The conclusion is that the order that took shape during the life of Anna Taishina set the vector for the development of the Kalmyk settlement until its abolition in 1842.

Keywords: Anna Taishina, Department of Foreign Affairs, baptized Kalmyks, Stavropol-on-Volga, Orenburg expedition (commission), the Russian Empire, management

For citation: Dzhundzhuzov, Stepan. "Princess Anna Taishina, the First Ruler of the Stavropol Baptized Kalmyks, 1737–1742." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 541–555. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-541-555>

Введение

С именем калмыцкой крещеной княгини Анны Андреевны Тайшиной связано образование калмыцкого поселения на Средней Волге, основание города-крепости Ставрополя-на-Волге, формирование этноконфессиональной сословной группы ставропольских крещеных калмыков. В отличие от своих воинственных современниц, вдов Аюки хана и Дондук-Омбо, ханш Дармы-Балы и Джан, Анна не плела заговоры, не участвовала в мятежах, не подстрекала калмыков к откочевке за пределы России. Своим возвышением она обязана браку с калмыцким крещеным нойоном Петром Тайшиным и амбициозному плану российского правительства передать под ее правление всех крещеных калмыков.

В исторической литературе персона княгини А. Тайшиной в основном упоминается в контексте исследования христианизации калмыков¹ и административного устройства, отведенной для их поселения, территории². Цель данной статьи – рассмотреть вовлеченность калмыцкой правительницы в процесс встраивания крещеных калмыков в экономическое, политическое и административно-правовое пространство России. Эпистолярные и иные источники, исходившие от А. Тайшиной, в которых находили выражения ее помыслы и желания, позволяют судить взаимоотношения княгини с правительственными чиновниками, заботе о благополучии вверенных ей калмыков, ее бытовых предпочтениях и нуждах.

¹ Зудина В.Н., Перла Н.Ю. Ставропольские калмыки и буддизм в пространстве юго-восточного фронта Европейской России в XVIII–XIX вв. (К вопросу о сохранении традиционной веры) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2. С. 87–100; Комиссаренко А.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в XVIII в. // Документальный источник в историческом исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А.А. Зимина. Материалы международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ. М., 2020. С. 478–479; Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006. Цюрюмов А.В., Курапов А.А. Христианизация калмыков в российско-калмыцком взаимодействии в конце XVII – середина XVIII вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4 (48). С. 40–41.

² Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск, 2008; Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий ин-т. общественных наук, 1992. С. 50–56.

Письма Анны Тайшиной, адресованные императрице Анне Иоанновне, вице-канцлеру графу А.И. Остерману и начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву представлены в документах фонда «Ставропольская канцелярия» Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Часть документов, относящихся к периоду княжения А. Тайшиной, вошли в первый том сборника документов «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.», изданный в 2011 г.³ Ссылки на волеизъявление калмыцкой княгини, выраженные в виде прошений или донесений, содержатся в указах и других документах, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи» или обнаруженных в ходе исследования в фондах центральных и региональных архивов.

Выявленные к настоящему времени архивные источники не позволяют установить ряд существенных биографических фактов, относящихся к периоду жизни А. Тайшиной в Калмыцком ханстве. В них нет указаний о ее возрасте, вступлении в брак, количестве детей. Пробелы в биографии А. Тайшиной объясняются отсутствием метрических книг в калмыцких улусах. Для российского правительства важна была не столько личность будущей княгини, сколько ее статус жены и особенно вдовы принявшего христианство видного представителя ханской династии.

Данное исследование в определенном смысле является продолжением опубликованной в 2019 г. статьи, посвященной жизненному пути и политической деятельности Петра Тайшина. В ней упоминаются события, связанные с семейной жизнью православного калмыцкого нойона, однако А. Тайшина была представлена в них лишь как сопутствующий персонаж своего властолюбивого мужа⁴.

Заложница политических интриг

Церен-Янжи, так звали Анну до перехода в православие, происходила из знатного рода дербетских нойонов. Ее отец Четерь-тайши оказывал большое влияние на расклад политических сил в Калмыцком ханстве. Женитьба внука Аюки хана на дочери дербетского нойона должна была содействовать укреплению авторитета Четеря в кругу представителей высшей калмыцкой знати.

Решающее влияние на судьбу Церен-Янжи оказали события, связанные с восприятием ее мужем Баксадаем Доржи христианства и его десятилетним участием в политической борьбе за верховную власть в Калмыцком ханстве. Будучи вторым внуком от старшего сына Аюки хана Чакодорджаба, Баксадай, став христианином, надеялся обрести в лице Российского императора сильного покровителя и при его поддержке занять ханский престол. Предпринятая в 1724–1725 гг. поездка Баксадая Доржи для принятия крещения в Москву и Санкт-Петербург, как ему казалось, оправдала все его ожидания. Сам император Петр I пожелал стать восприемником калмыцкого нойона и нарек его своим именем – Петром⁵. Однако у имперской власти были в отношении него другие планы.

После некоторых колебаний царское правительство, согласуясь с волей умершего в 1724 г. хана Аюки, настояло на утверждении нойонами заместником Калмыц-

³ Волжские Ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы / отв. ред. А.С. Ряжев; сост.: С.В. Джунджузов, А.В. Тепикин, Л.Б. Четырова. Ростов н/Д, 2011. Т. 1.

⁴ Джунджузов С.В. Перепитии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещенных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 525–543.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. 1725–1736. Д. 14. Л. 68–68 об.

кого ханства младшего сына Аюки, Церен-Дондука⁶. Петру Тайшину, если можно так выразиться, отводилась роль «агента российского влияния». Его пример, как надеялся Петр I, призван был «склонять владельцев и законников их (калмыков. – С.В.) в христианство»⁷. Для закрепления успеха в деле распространения христианства среди калмыков в 1725 г. была учреждена православная миссия, прикомандированная к улусу Петра Тайшина. До 1734 г. ею руководил иеромонах Никодим (Ленкеевич).

В первые месяцы после возвращения в Калмыцкие степи П. Тайшин, по крайней мере, публично, старался представляться защитником крещеных калмыков. Он не возражал против крещения жены и детей. 20 сентября 1726 г. Ленкеевич уведомил архимандрита Гавриила, что через П. Тайшина Церен-Янжи объявила ему о согласии перейти в христианство. Ее восприемником чета Тайшиных хотела видеть астраханского губернатора Артемия Волынского. А. Волынский уклонился от участия в обряде крещения, сославшись на отсутствие полномочий. Неделию спустя Церен-Янжи от своего имени, минуя губернатора, отправила на высочайшее имя прошение, в котором подтвердила желание перейти в православие и просила на то императорского дозволения. Содержание письма было доведено до сведения Екатерине I. Императрица дала согласие и пожелала Тайшиной принять крещение «где пожелает или в Петербурге»⁸. Так имя будущей калмыцкой княгини стало известно в высших правительственных кругах.

Обращение Церен-Янжи к Екатерине I соответствовало интересам П. Тайшина. По возвращении из Санкт-Петербурга Петр, уверовавший в покровительство царского двора, поссорился не только с наместником ханства, но и со своими братьями, выдавшими в нем сторонника принудительной христианизации калмыков. Конфликт между братьями перерос в вооруженную борьбу, в результате которой Нитар Доржи со своими людьми напал на кибитки, принадлежавшие П. Тайшину, захватил в плен Церен-Янжи и членов православной миссии⁹. После примирения со старшим братом Дасангом П. Тайшин перестал поддерживать православную миссию. В 1728 г. он уведомил Коллегию иностранных дел, что желал бы прибыть к императорскому двору для проведения обряда крещения Церен-Янжи. Поездка была отложена из-за начавшейся в Царицыне эпидемии моровой язвы¹⁰.

Настоящей трагедией для Церен-Янжи обернулся сговор П. Тайшина с двоюродным братом Дондук-Омбо и инициированное ими в 1731 г. вооруженное выступление против хана Церен-Дондука. Поражение ханского войска в районе озера Сасыколи дало повод России для поддержки своего ставленника и законного правителя направить в Калмыцкую степь воинскую команду во главе с генерал-лейтенантом князем И. Ф. Барятинским. Дондук-Омбо со своим улусом успел уйти на Кубань. П. Тайшин был задержан и арестован И. Ф. Барятинским в городке Красный Яр. Возможно, нерасторопность мятежного владельца объяснялась беспокойством о семье, посаженной под караул в Астрахани¹¹.

До 1734 г. Петр и Церен-Янжи содержались в Царицыне. Улус П. Тайшина был отдан в управление нойону Дондук-Даши, а принадлежавший ему и его людям скот передан казакам в награду за участие в походе¹². За без малого два года, проведенных

⁶ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 41–45.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Изд. 1. Т. VII. СПб., 1830. С. 207.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Джунджузов С.В. Перепетии судьбы... С. 534.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1731. Д. 1. Л. 54–54 об.

¹¹ Джунджузов С.В. Перепетии судьбы... С. 537–539.

¹² АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1725–1736. Д. 14. Л. 129.

в неволе, умерли дети Тайшиных – сын и две дочери, что стало в скором будущем причиной пресечения первой династии православных калмыцких князей¹³.

В конце февраля 1734 г. П. Тайшин обратился к Анне Иоанновне с двумя покаянными письмами. В первом из них Петр описывал невзгоды, обрушившиеся на него в связи с монаршей опалой, уверял императрицу, что «никогда не причинял вреда русским людям»¹⁴. Во втором письме он уже ставит вопрос о возвращении отобранного улуса и выделении указанного для кочевания месте: между Волгой, Доном и Донцом. Оба письма завершались клятвенными уверениями в верности¹⁵.

Указ, адресованный астраханскому губернатору И. Измайлову и полковнику В. Беклемишеву об отправке Петра Тайшина в Санкт-Петербург, стал стечением нескольких обстоятельств:

– необходимость вывода из Калмыцкого ханства крещеных калмыков, подвергавшихся репрессиям со стороны некрещеных нойонов и подпадавших под влияние буддийского духовенства;

– умиротворение калмыцкой элиты путем передачи верховной власти в Калмыцком ханстве Дондук-Омбо. Одним из условий своего возвращения с Кубани Дондук-Омбо называл освобождение от наказания П. Тайшина;

– раскаяние самого П. Тайшина позволяло передать под его управление, созданное в отдалении от Калмыцкого ханства, поселение крещеных калмыков.

Формальным актом прощения раскаявшегося крещеного нойона стала аудиенция у императрицы, состоявшаяся 29 августа 1734 г. после которой в Петербург было велено доставить жену П. Тайшина Церен-Янжи. По прибытии в российскую столицу она была удостоена высочайшего приема и после необходимой подготовки, 3 июня 1735 г., была крещена под именем Анна. Ее восприемницей стала сама императрица Анна Иоанновна, а восприемником – один из влиятельнейших сановников того времени, вице-канцлер, граф Андрей Иванович Остерман¹⁶.

В 1736 г. начался поиск территории, подходящей для поселения крещеных калмыков. Забота о размещении крещеных калмыков была отнесена к компетенции начальников Оренбургской экспедиции, в апреле 1737 г. переименованной в Комиссию. 23 декабря 1736 г. от начальника экспедиции И.К. Кирилова последовало предложение разместить крещеных калмыков в радиусе полутора сотен верст, выше города Самары, на реке Ток. Степное пространство этого места было удобно для разведения скота. Однако отсутствие крепостей, которые еще только предполагалось построить вдоль Самарской линии, оставляло калмыцких поселенцев без надежной защиты от набегов казахов и их некрещеных соплеменников¹⁷.

Княжение

Смерть Петра Тайшина, случившаяся в начале 1737 г., никак не сказалась на процессе создания поселения крещеных калмыков. Так как после П. Тайшина не осталось наследников, и среди крещеных калмыков на тот момент не было отпрысков знатных нойонских родов, управление крещеными калмыками решено было передать вдове П. Тайшина, Анне. 20 июля 1737 г. Анна Иоанновна подписала Жалованную грамоту, на основании которой повелела «именовать и писать» Анну Андреевну Тайшину княгиней и «поручить в ведение и управление [ее] всех кра-

¹³ Орлова К.В. История христианизации калмыков. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же. С. 55.

¹⁶ Там же. С. 56–57.

¹⁷ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–8.

шенных калмык»¹⁸. Жалованная грамота была призвана официально закрепить возведение А. Тайшиной в княжеское достоинство. Княгиней она стала титуловаться раньше. Так, уже в названии Указа Коллегии иностранных дел от 7 апреля 1737 г. И.К. Кирилову содержалась формулировка:

О скором отправлении княгини Анны Тайшиной с людьми из Саратова к месту постоянного пребывания и необходимости строительства там крепости¹⁹.

Дарованию Грамоты предшествовала присяга, данная калмыцкой княгиней 1 июня 1737 г. Наряду с обещанием «быть верным, добрым и послушным рабом е. и. в.» Анна клялась быть истинной христианкой и подчиненных ей калмыков в православной христианской вере утверждать. В конце текста присяги указаны имена 9 крещеных калмыков из окружения Анны Тайшиной²⁰.

Жалованная грамота на ближайшие восемь лет, а в отдельных своих положениях и до самого его упразднения в 1842 г., определяла основы административного устройства и порядок управления калмыцким поселением. На начальном этапе поселение крещеных калмыков имело монархическую форму правления и административно-правовое устройство, выстроенное по примеру Калмыцкого ханства. Ближайшими помощниками и советниками княгини становились зайсанги. В Жалованной грамоте перечислены крещеные зайсанги, находившиеся при А. Тайшиной в Петербурге: Иван Шора, Кирил Шарап, Матвей Бату Менка и Иван Чидор²¹. Позднее к ним присоединились зайсанги, переселившиеся из Калмыцкого ханства и к концу 1737 г. этот список увеличился до 19 фамилий²². Предполагалось, что каждый зайсанг будет управлять собственным аймаком – административной единицей, объединявшей определенное количество калмыцких семей (кибиток).

На отведенной крещеным калмыкам территории дозволялось заниматься охотой, рыболовством, разведением скота, заготовкой сена и хлебопашеством. В периоды проведения земледельческих работ допускался наем «русских мужиков с паспортами»²³.

В круг обязанностей княгини А. Тайшиной входил контроль за соблюдением калмыками общественного порядка и спокойствия, недопущения с их стороны ссор с соседними поселенцами, угонов скота и лошадей. В случае конфликта крещеных калмыков с другими российскими подданными суд и судебное решение должны были производиться и приниматься по российским законам. Княгиня и зайсанги должны были следить, чтобы в их владениях не селились некрещеные калмыки.

Для надзора за калмыками вводилась должность командира и военного коменданта строящейся для калмыков крепости. Первым исполняющим эту должность был назначен полковник Андрей Иванович Змеев. Особым Указом ему вменялось в обязанность вместе с княгиней через зайсангов осуществлять общее руководство калмыками. При этом он должен был выстраивать в отношениях с калмыцкой правительницей такую линию поведения, чтобы

¹⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 46.

²⁰ Там же. С. 51–52.

²¹ Там же. С. 55.

²² *Ряжев А.С.* Судьба печати калмыцкого хана: этноконфессиональные процессы на юго-востоке России в 30–60-е гг. XVIII в. // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2020. № 58 (4). С. 2355–2356.

²³ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 55.

оную княгиню иметь в почтении и, не озлобляя ее, к пользе интересов Ее императорского величества к доброму порядку калмыков приводить рассуждением²⁴.

Как представитель российской власти, А.И. Змеев при калмыцкой княгине был одновременно и советником, и надзирателем. Прежде всего он должен был оградить княгиню от недостойных и неспособных к административной деятельности зайсангов. В соответствии с секретной инструкцией Кабинет-министров от 30 июня 1737 г. о деловых качествах зайсангов учитывалось мнение, как самой правительницы, так и рядовых калмыков. Если полковник А.И. Змеев находил кого-то из них недостойным, то должен был «советом своим ею склонить, чтоб такова недостойного, другим достойным переменить»²⁵.

Составители «Инструкции» учли даже такой свойственный калмыкам обычай, как безвозмездная раздача нуждающимся своего имущества, что могло привести к разорению самого благотворителя. А.И. Змеев обязался следить и отговаривать княгиню от обременительных пожертвований, следить:

чтоб она в расходах своих имела сама смотрение и порядочную экономию и потому довольствие себе и ни в чем недостатка не имела²⁶.

Анне дозволялось обращаться с прошениями к императрице и членам правительства и направлять в столицу своих доверенных посланцев. В свою очередь, адресованные ей правительственные указы, предписывалось объявлять через начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева и генерал-майора Л.Я. Соимонова²⁷. Как «передаточное звено» полковник Змеев должен был руководствоваться правилом:

О чем надлежит ведать княгине Анне Тайшиной и другим, о том сообщать, а что надлежит до тайности, оное содержать в секрете только для собственного своего известия²⁸.

В соответствии с секретной инструкцией Кабинета-министров от 30 июня 1737 г. А. Тайшиной в сопровождении полковника А. Змеева следовало выехать в Саратов, там соединиться с отправленными из нижеволжских городов крещеными калмыками и вместе с ними двигаться к определенному для их поселения месту²⁹. Из донесений А.И. Змеева следует, что кампания по сбору крещеных калмыков и поиск подходящего для их поселения места, затянулись на более продолжительное, чем предполагалось, время.

Полковник А.И. Змеев с княгиней А. Тайшиной прибыли в Саратов 18 сентября. 29 сентября Змеев принял от саратовского воеводы полковника В.П. Беклемишева 300 кибиток, в которых насчитывалось 2104 человека, из них – 1092 – мужского пола и 1 012 женского³⁰. Собранные в Саратове крещеные калмыки составляли менее 40 % от их общего количества. По сведениям, собранным в Коллегии иностранных дел на 1736 г., в низовьях Волги проживало не менее 5,5 тыс. крещеных калмыков³¹.

В 1738 г. А. Тайшина обратилась к императрице за содействием в выводе из Калмыцкого ханства крещеных калмыков. Она напомнила, что согласно указу все

²⁴ ПСЗРИ-1. Т. X. С. 125.

²⁵ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 62.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ Там же. С. 68.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 2. С. 515.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 140. Л. 13 об.

крещеные калмыки должны находиться в ее владении. К маю 1738 г. в ее ведомстве состояло 700 кибиток. По мнению княгини, в собственном улусе ее мужа состояло до 1 тыс. кибиток, и все они отошли к хану Дондук-Омбо. Разоренными оказались и состоявшие при ней зайсанги, лишившиеся имущества и скота³².

Правительство не располагало действенными средствами, способными принудить укрывателей возвращать беглых крещеных калмыков в определенные для их поселения места. Обращения по этому поводу к калмыцким правителям русских чиновников выглядели скорее не требованиями, а просьбами. Последние клятвенно заверяли, что не принимали и не будут принимать в своих улусах вероотступников. Хан Дондук-Омбо уведомлял своего «верного друга бригадира Юнгера», что «с теми кривцами и ворами не советовался и им к себе приходиться не велел». Но обещал, если они к нему прикочуют, то сообщит в тот же день³³.

С местом под строительство крепости для княгини А. Тайшиной удалось определиться только с третьего раза. В.Н. Татищев, назначенный начальником Оренбургской комиссии после смерти И.К. Кирилова, 24 сентября 1737 г. уведомил Коллегию иностранных дел, что для строительства крепости выбрано урочище Кунья Волшка, окрестности которого богаты лесом и лугами. Через месяц, 31 октября, предложение начальника Оренбургской комиссии получило законодательное закрепление³⁴. 14 мая 1739 г. по инициативе коменданта А.И. Змеева вверенная ему крепость стала называться Ставрополем – городом Святого Креста. До того времени ее именовали по географическому названию – Кунья Воложка³⁵.

Ко времени прибытия калмыцких поселенцев в указанное В.Н. Татищевым место строительство жилья для них еще даже не начиналось. Княгиня А. Тайшина с зайсангами и служителями из Самары были отправлены зимовать в Саратов³⁶. В декабре 1737 г. комендант А.И. Змеев просил своих непосредственных начальников – тайного советника В.Н. Татищева и генерал-майора Л.Я. Соймонова направить для завершения строительства потребное число мастеровых людей и определить на постоянное поселение в крепости для поддержания ее сохранности и ремонтных работ 29 мастеров разных специальностей. Запрос коменданта был удовлетворен лишь частично. За недостатком ремесленников ему разрешалось привлекать к строительным работам отставных солдат приписанного к Куньей Воложке ландмилицкого батальона, а также живших в окрестных селениях их отцов и братьев³⁷.

Из-за ведомственной несогласованности и нерасторопности чиновников в Кунью Воложку не было завезено достаточного количества продовольствия, а предлагавшиеся подрядчиками цены оказались слишком завышенными. Положенных А. Тайшиной пятисотрублевого годового содержания и пятисот четвертей хлеба было недостаточно, так как значительная часть этих средств шла на благотворительность. К началу зимы еще не было определено ведомство, ассигнующее расходы на содержание калмыцкой княгини. А. Тайшина постоянно напоминала коменданту А.И. Змееву о положенном ей денежном и хлебном жаловании³⁸. В.Н. Татищев распорядился до получения ассигнований из Казанской губернии, провиант княгине выдавать из

³² РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.

³³ НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 90. Л. 99–99 об., 102.

³⁴ *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край... С. 512.

³⁵ ПСЗРИ-1. Т. 10. С. 773.

³⁶ *Волжские Ставропольские калмыки.* Т. 1. С. 73.

³⁷ Там же. С. 71–72.

³⁸ Там же. С. 9–70.

продовольственных поставок в Кунью Воложку, а деньги: «сколько потребно можно для необходимой нужды» – из средств Оренбургской комиссии³⁹.

На формирование военно-административной структуры калмыцкого поселения было направлено совместное Определение В.Н. Татищева и Л.Я. Соймонова от 18 декабря 1737 г., оно устанавливало штатное расписание и должностные оклады калмыцких чиновников. По представлению А. Тайшиной зайсангам присваивались казачьи звания, что придавало крещеным калмыкам особый военно-сословный статус. Отныне правовое положение зайсанга определялось не только знатностью происхождения, особое значение стало придаваться званию и занимаемой должности. В таблице представлены звания и должностные оклады, установленные для крещеных калмыков совместным определением начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева и астраханским вице-губернатором, начальником Башкирской комиссии Л.Я. Соймонова 18 декабря 1737 г.

**Звания и должностные оклады, установленные для крещеных калмыков /
Ranks and official salaries established for baptized Kalmyks**

№	Звание и должность / Title and position	Штатных единиц / Established units	Оклад, руб. / Salary, rubles
1.	Полковник / Colonel	1	50
2.	Войсковой есаул / Military captain	1	40
3.	Писарь / Clerk	1	40
4.	Ротмистр / Captain	5	3/30, 2/25
5.	Хорунжий / Cornet	10	12
6.	Есаул / Yesaul	2	10
7.	Рассыльщик / Mailer	2	7
8.	Толмач / Interpreter	2	6
Всего должностей / Total positions		24	426

Источник: Волжские Ставропольские калмыки. Т. 1. С. 72.
Source: *Volzhskie Stavropolskie kalmyki*. Vol. 1. P. 72.

Зависимость калмыцких поселенцев от казенных поставок продовольствия и предметов хозяйственного обихода, обрекавшая их на нищенское существование, побудили Анну Тайшину направить к императорскому двору своего посланца зайсанга Кирилла Шарапа. В письме, датированном 25 мая 1738 г., Анна просила императрицу о содействии экономическому развитию калмыцкого поселения и хозяйственной активности его жителей. Княгиня подтверждала желание жить со своими улусными людьми в определенном им месте и заниматься хлебопашеством, но на первых порах они нуждаются в вспомоществовании – найме «охочих людей» для строительства дворов. Для поддержания авторитета княжеской власти А. Тайшина просила увеличить положенные ей ежегодные выплаты еще на 500 руб. Эти деньги она обязалась раздавать нуждающимся калмыкам. Благотворительные выплаты должны были продолжаться до тех пор, пока калмыки не обзаведутся пашнями и не будут обеспечены собственным хлебом⁴⁰. Большую полемику в чиновничьих кругах вызвало пожелание А. Тайшиной владеть деревнями. У крестьян, которые будут выращивать хлеб, разводить скот и заготавливать сено, она надеялась «обучаться российскому обычаю и житью»⁴¹.

³⁹ Волжские Ставропольские калмыки. Т. 1. С. 71–72.

⁴⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 329. Оп. 1. Д. 51. Л. 429 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

Месяцем раньше, 14 марта 1738 г., с той же просьбой о пожаловании деревень княгиня Анна обращалась к В.Н. Татищеву⁴², который посчитал ее заслуживавшей удовлетворения. Начальник Оренбургской комиссии, ссылаясь на мнение полковника А.И. Змеева, решил, что

полезнее деревнями, нежели деньгами их [калмыков] содержать, ибо через то они скорее к домо- водству привыкнут и работам помалу обучаться будут⁴³.

В.Н. Татищев даже не пытался скрыть своей заинтересованности переложить бремя содержания крещеных калмыков на подневольных крестьян, которые должны были фактически подвергнуться новому закрепощению. В управление княгини А. Тайшиной он предложил отдать бывших дворцовых, Усольской волости, и монастырских, Савина монастыря, крестьян, приписанных к Коллегии экономии⁴⁴.

Аргументы В.Н. Татищева не нашли поддержки у чиновников Коллегии иностранных дел. Они высказали мнение, что вместо того, чтобы перенимать опыт земледельческих работ, калмыки будут злоупотреблять трудом крестьян пожалованных их княгине деревень и тем самым доведут их до разорения⁴⁵. Это была единственная просьба А. Тайшиной, затрагивавшая проблемы улучшения хозяйственного состояния крещеных калмыков, отклоненная правительством. Задачу приобщения калмыков к занятию земледелием правительство предлагало решать через наделение каждого из них, с учетом сословного статуса, земельными угодьями, и для обучения навыкам возделывания пашни направлять на период сельскохозяйственных работ солдат из крепостного гарнизона. Бедным калмыкам разрешалось дать по одной лошади на семью и, по усмотрению А.И. Змеева, необходимый для посева семенной хлеб⁴⁶.

Другие просьбы А. Тайшиной, призванные способствовать хозяйственному развитию калмыцкого поселения, включали разрешение калмыкам беспрепятственно выезжать в соседние города со своим товаром и вести там беспошлинную торговлю. В Куньей Воложке А. Тайшина просила построить гостиный двор и поселить несколько купцов. С ними калмыки будут вести меновую торговлю и приобщатся к коммерции. Наличие собственного торгового призыва было избавить калмыцких поселенцев от дальних поездок за покупками и существенно снизить цены на ввозимые оптом товары. В то же время, заботясь о здоровье и нравственности своих подданных, княгиня просила не допускать открытия кабаков⁴⁷.

Предложенные княгиней А. Тайшиной способы достижения крещеными калмыками экономической независимости с незначительными оговорками были поддержаны сенатским указом 29 сентября 1738 г. Беспошлинно торговать лошадьми, скотом и производимыми самими калмыками товарами разрешалось на месте, в построенной для них крепости. Чтобы казна не терпела убытка, пошлина перекаладывалась на покупателей калмыцких товаров⁴⁸.

В середине сентября 1738 г. княгиня Тайшина с зайсангами переехала из Самары в Кунью Воложку. Это событие можно считать начальной датой регулярного поселения ставропольских калмыков. К этому времени были построены дома для княгини, архимандрита Никодима, коменданта и других должностных лиц, а также

⁴² Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 78–79.

⁴³ Там же. С. 79.

⁴⁴ Там же. С. 80.

⁴⁵ Там же. С. 82.

⁴⁶ Там же. С. 82.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.

⁴⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 82.

здания и строения административного и хозяйственного назначения⁴⁹. Военное значение Куньей Воложки как приграничной крепости подчеркивало размещение гарнизона⁵⁰.

Следующим шагом после строительства крепости и поселения в ней княгини стало, произведенное во время инспекторского посещения в сентябре 1738 г. В.Н. Татищевым Куньей Воложки, распределение калмыков по партиям или, как их вскоре стали называть, ротам. Для каждой роты строилась отдельная слобода с деревянными избами и дворами. Слободы располагались в радиусе 100 верст от Куньей Воложки в междуречье Сока, Кондурчи и Черемшана. Строительство слобод завершилось весной 1739 г. Роты именовались по аналогии с названиями слобод: Преображенская, Теневская, Сусканская и др.⁵¹ Роты стали административно-территориальными подразделениями Ставропольского ведомства. К середине 1740 г. поселение ставропольских крещеных калмыков состояло из 8-ми рот⁵².

Расселение крещеных калмыков в Среднем Поволжье завершилось наделением их земельными наделами по установленным нормам. В соответствии с указом от 26 февраля 1739 г. каждой калмыцкой семье нарезалось по 60 четвертей пахотной земли (30 десятин) и по сто копен (10 десятин) сенокосных угодий. Зайсанам полагались наделы в двойном размере, а княгине А. Тайшиной в десятикратном, т. е. не менее 300 десятин пахотной земли⁵³. Предполагалось, что ежегодно, на первых порах с помощью наемных работников, а позднее самостоятельно калмыцкие семьи будут засеивать хлебом не менее 10 десятин земли. Однако надежды правительства на постепенный переход калмыков к оседлости к земледелию не оправдались. С весны до поздней осени они, как и их предки, вели кочевую жизнь, и лишь зимняя стужа вынуждала их искать укрытие в деревянных избах. Основным занятием крещеных калмыков оставалось скотоводство и связанный с ним скорняжный промысел.

Одновременно с вопросами организационно-управленческого устройства и экономического развития калмыцкого поселения начальники Оренбургской комиссии и комендант А.И. Змеев проявляли заботу о духовном просвещении, образовании и медицинском обслуживании ставропольских крещеных калмыков. В переписке с правительственными учреждениями они нередко ссылались на мнение калмыцкой княгини. Действительно, в письмах А. Тайшиной к Анне Иоанновне и вице-канцлеру А.И. Остерману содержалась просьба о направлении к ней грамотных священнослужителей и лекаря.

Незнание калмыцкого языка приписанных к крещеным калмыкам православных священников препятствовало организации миссионерской деятельности. Архимандрит Никодим Ленкеевич, призванный возглавить православную миссию в Куньей Волошке, уже через полгода с формулировкой «за старостью и дряхлостью» был отпущен «на покой» в Михайловский монастырь Киевской епархии⁵⁴. А. Тайшина не только доходчиво описала сложившуюся ситуацию, но и предложила для назначения знакомую ей еще по службе в первой православной миссии кандидатуру бывшего ученика Славяно-греко-латинской академии Андрея Чубовского:

⁴⁹ Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 88.

⁵⁰ Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края. С. 262.

⁵¹ Там же. С. 282.

⁵² Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. Оренбург, 1912. Вып. 7. С. 74.

⁵³ Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край... С. 519.

⁵⁴ Орлова К.В. История христианизации калмыков... С. 237.

Как мне самой, так и другим, обретающимся здесь при мне крещеным калмыкам, за незнанием языка от священника слушать молитвы и грехи свои исповедовать весьма трудно, и для того прошу обретающегося здесь при Дондук Даше школьника Андрея Чубовского пожаловать поставить в попы и ко мне прислать⁵⁵.

Более сорока лет продолжалось подвижническое служение А. Чубовского среди крещеных калмыков. В сопровождении учеников он часто посещал калмыцкие кочевья и слободские церкви, совершал богослужения, требы, разъяснял основы христианского вероучения на понятном калмыкам народном наречии. Миссионерскую деятельность протопоп А. Чубовский успешно сочетал с педагогической деятельностью. Его попечению была передана школа для обучения калмыцких детей.

А. Тайшина придавала большое значение обучению юных калмыков русскому языку. В 1738 г. через Кирилла Шарапа она просила определить к ней состоявших еще при ее муже в первой православной миссии трех «школьников» для обучения «малых ребят»⁵⁶. Заслуга в открытии в Ставрополе школы принадлежала коменданту А.И. Змееву. Им была составлена смета учебного заведения, разработана программа обучения и воспитания калмыцких школьников, условия и порядок их содержания⁵⁷. Доказывая правительству потребность в открытии школы, Змеев ссылаясь на мнение княгини А. Тайшиной, которая

и сама <...> и многие калмыки желают, дабы для такого полезнейшего дела ту школу завести и тех калмыцких ребят обучать и приводить в истинное познание с полезным наставлением⁵⁸.

Годы, проведенные в России, оказали заметное влияние на образ жизни калмыцкой княгини. Она усвоила манеру общения с представителями правящего дворянского сословия в соответствии с их местом в иерархии сановных должностей. В ее письмах к императрице сочетались покорность и раболепие:

Ваша Великой Государыни Вашего Императорского Величества всеподданнейшая и всенижайшая и вернейшая раба княгиня Анна Тайшина, колени приклоняя, Вас, Всемилостивейшую Государыню Императрицу прошу о нижеследующим⁵⁹.

Просьбы к влиятельным чиновникам калмыцкая княгиня старалась формулировать в почтительном, подобострастном тоне. Так, добываясь покровительства вице-канцлера А.И. Остермана, она подчеркивала:

ибо, как и вам известно, кроме вас иному меня жаловать не кому, чего ради всей моей жизни радость и печаль от вас зависеть может⁶⁰.

В то же время А. Тайшина гордилась своим княжеским титулом и, пользуясь связями в придворных кругах, могла сама оказывать покровительство провинциальным чиновникам. А.И. Остермана она информировала:

По отъезде моем от вас симбирский воевода Иван Иванович Немков, уведовав, что мне восприемницей изволила быть Великая Государыня, а восприемником вы, принял меня лаской и в проезде моем учинял всякое удовольствие, и того ради прошу содержать его в вашей милости⁶¹.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 138. Л. 604, 608.

⁵⁸ *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край... С. 525.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 7.

⁶¹ Там же. Л. 8.

Немногочисленные просьбы личного характера А. Тайшиной к своему восприемнику и покровителю А.И. Остерману позволяют говорить о восприятии княгиней предметов материального быта российского дворянства и приверженности к традиционным развлечениям калмыцкой знати. Свидетельством первого являются обращения о починке часов и пожаловании «хорошей коляски с добрыми лошадьми», второго – ежегодное выделение ей пяти кречетов и десяти соколов, чтобы, как она писала: «со скуки могла забавляться птичьей охотой»⁶².

Из обращения, переданного К. Шарапом Анне Иоанновне, можно судить о недоверии А. Тайшиной к современной европейской медицине. При наличии в Ставрополе гарнизонного врача княгиня просила «выпросить» у наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши и к ней определить одного калмыцкого лекаря⁶³.

А. Тайшина поддерживала связи с оставшимися в Калмыцком ханстве родственниками. По сведениям А.В. Цурумова, в июле 1737 г. княгиня даже просила хана Дондук-Омбо и своего отца Четеря «принять ее к себе»⁶⁴. После переселения в Ставрополь А. Тайшина пыталась добиться разрешения на поездку в Царицын для встречи с отцом. Однако в связи со смертью в 1739 г. нойона Четеря вице-канцлер А.И. Остерман счел поездку ненужной и ответил отказом⁶⁵.

Княгиня Анна Тайшина умерла в 1742 г. Ранняя смерть детей лишила чету Тайшиных прямых наследников. Тем не менее Анна надеялась сохранить династию, а с ней и сложившийся порядок управления крещеными калмыками. Своим преемником она надеялась видеть внучатого племянника Петра Тайшина, которого по отцу называла «чидановым сыном». Она напоминала императрице, что о его усыновлении ходатайствовал перед ней сам П. Тайшин. В 1738 г. А. Тайшина просила забрать указанного ею наследника у хана Дондук-Омбо⁶⁶. Петр Торгоутский поселился в Ставрополе в 1743 г. В Указе Сената «О правилах содержания и управлении Ставропольской крепости...» он титулуется «князем» и указывается наследником княгини Тайшиной. Умер князь Петр в 1744 г. В сенатском указе он упоминается в связи с признанной незаконной уступкой полковнику К. Шарапу на получение дохода от винной торговли⁶⁷.

После смерти А. Тайшиной должность полковника, являющуюся высшей в чиновничьей иерархии Ставропольского калмыцкого ведомства, занимал К. Шарап. Переселенные в Ставрополь крещеные отпрыски калмыцкого владельческого рода братья Петр и Павел Торгоутские были назначены на нижестоящие должности судьи и войскового надзирателя с меньшими, чем у полковника К. Шарапа, окладами. Дальнейшая ориентация на знатность принимавших крещение калмыков, приходивших в Ставрополь в сопровождении сотен подвластных им людей, была чревата опасными конфликтами. Альтернативой такого сценария служил опыт поселенных на Слободской Украине и причисленных к казакам чугуевских калмыков. По их примеру у ставропольских крещеных калмыков стали внедряться казачьи порядки, превращавшие их в военно-служилое сословие, а для управления ими был создан

⁶² РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

⁶³ Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 140. Л. 381–382; Там же. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁶⁴ *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных усобиц. Элиста, 2005. С. 137–138.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. об.

⁶⁷ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 149.

коллегиальный орган – Калмыцкий суд⁶⁸. Результатом этих преобразований стало закрепленное за поселением крещеных калмыков в 1756 г. официальное название – Ставропольское калмыцкое войско.

Выводы

Образование обособленного калмыцкого княжества на Средней Волге стало следствием российской политики христианизации и целенаправленного поселения крещеных калмыков за пределами Калмыцкого ханства. Передача территорий с особым административным статусом в единоличное женское управление, пусть и под строгим правительственным контролем, является единственным примером в истории царской России. В исторических хрониках середины 20-х – 30-х гг. XVIII в. Анна Тайшина упоминалась исключительно в связи с активной политической деятельностью ее мужа, Петра Тайшина, и заинтересованностью в его услугах российских властей. К их числу относились переписка о крещении будущей калмыцкой княгини и ее арест в связи с обвинением П. Тайшина в государственном преступлении. Наделение А. Тайшиной властными полномочиями произошло не только в силу стечения ряда обстоятельств (неожиданная смерть мужа, отсутствие высокородных отпрысков среди калмыков, принявших крещение), но и в результате стремления российского правительства поселить крещеных калмыков на территории, отведенной для освоения Оренбургской экспедиции. За короткий пятилетний период княжения А. Тайшиной были заложены основы административно-территориального устройства калмыцкого поселения, его властной структуры и порядка управления, хозяйственного и социального развития. О высоком правовом, по сути вассальном, статусе калмыцкой княгини свидетельствовала передача калмыцкого поселения в ведомство Коллегии иностранных дел. Все нововведения, поддержанные правительством, осуществлялись по инициативе Анны Тайшиной либо ставропольского коменданта, но обязательно со ссылкой на ее мнение. Сложившийся при жизни Анны Тайшиной порядок задал вектор развития калмыцкого поселения в качестве самоуправляемого, этнического и военно-сословного территориального образования вплоть до его упразднения в 1842 г.

Поступила в редакцию / Submitted: 24.09.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 06.12.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 16.08.2022

References

- Bakunin, V.M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgout'skogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda*. Elista: Kalmykskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1995 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. “The revelations of the fate of the Kalmyk owner Pyotr Taishin: from the adoption of Christianity to the creation of a settlement of baptized Kalmyks in the Middle Volga region (1724–1737).” *RUDN Journal of the Russian History* 19, no. 3 (2020): 525–543 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. *Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Iuzhnom Urale: imperskie mekhanizmy akkul'turatsii i problema sokhraneniia etnicheskoi identichnosti (seredina 30-kh godov XVIII – pervaiia chetvert' XX veka)*. Orenburg: OGAU Publ, 2014 (in Russian).
- Guriy (Stepanov). “The first Orthodox mission among Kalmyks and its practical life.” *Orthodox interlocutor*, no. 2 (1914): 271–327 (in Russian).
- Komissarenko, A.I. “Missionerskaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v XVIII v.” In *Dokumental'nyi istochnik v istoricheskom issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniia, sovremennye problemy i zadachi: k 100-letiiu so dnia rozhdeniia A.A. Zimina. Materialy mezhd-*

⁶⁸ Волжские Ставропольские калмыки... Т. 1. С. 134–135.

- narodnoi nauchnoi konferentsii. Archive of RAS-RSUH*, 476–485. Moscow: Archives of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020 (in Russian).
- Kuznetsov, V.A. *Irregulyarnye voiska Orenburgskogo kraia*. Samara; Chelyabinsk: [S.n.], 2008 (in Russian).
- Orlova, K.V. *Istoriia khristianizatsii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v.* Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 2006 (in Russian).
- Ryazhev, A.S. “The fate of the seal of the Kalmyk khan: ethno-confessional processes in the south-east of Russia in the 30–60s. XVIII century.” *Bylye gody* 58, no. 4 (2020): 2356–2364 (in Russian).
- Rychkov, P.I. *Topografiia Orenburgskoi gubernii*. Orenburg: Orenburgskoe otделение Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1887 (in Russian).
- Shovunov, K.P. *Kalmyki v sostave Rossiiskogo kazachestva (vtoraia polovina XVII–XIX vv.)*. Elista: Soiuz kazakov Kalmykii, Kalmytskii in-t. obshchestvennykh nauk Publ., 1992 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V. *Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh usobits*. Elista: Dzhangar Publ., 2005 (in Russian).
- Tsyuryumov, A.V., and Kurapov, A.A. “Christianization of Kalmyks in Russian-Kalmyk interaction in the late 17th – mid-18th centuries.” *Vestnik of Kalmyk University* 48, no. 4 (2020): 38–45 (in Russian).
- Vitevskiy, V.N. *I.I. Nepliev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g.*, vol. 2. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova, 1897 (in Russian).
- Zudina, V.N., Perla N.Y. “Stavropol Kalmyks and Buddhism in the Southeastern Frontier of European Russia in the 18th–19th centuries. (On the issue of preserving traditional faith).” *Bulletin of the Samara State University*, no. 8/2 (2012): 87–100 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Степан Викторович Джунджузов, д-р. истор. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; 460844, Россия, Оренбург, ул. Советская, 19; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Stepan V. Dzhundzhuzov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Orenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya Str., Orenburg, 460844, Russia; kaf_rushistory@ospu.su; <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>